

Леонтьев отмечал ограниченность Аксакова (с. 222), Филиппов – своеобразие его православия (с. 381). Разумеется, на их оценки влияли разногласия по греко-болгарскому вопросу, довольно подробно описанному в предисловии и комментарии (с. 15). «Порок филетизма», т.е. церковного национализма, казался Филиппову такой же опасной «подменой Христа» (с. 225), как и критикуемое Леонтьевым «розовое христианство» (с. 37–39). Позднее же славянофильство (и, в частности, публицистика С.Ф. Шарапова) воспринималось обоими как «выдохшееся и несвоевременное направление» (с. 366). Однако ни Леонтьев, ни Филиппов не оторвались от своего духовного родства со славянофилами. «Я славянофилов старых люблю и уважаю, а они никак не могут понять, что мы из них вышли», – писал Леонтьев (с. 297). «Для меня древние славянофилы действительная святыня», – откликнулся Филиппов (с. 330). В вопросах, не связанных с Церковью, эмоции и симпатии обоих во многом были сходны с аксаковскими. Так, например, иррациональная радость Леонтьева по поводу победы болгар над сербами в 1885 г. вполне совпадала с мнением редактора «Руси», сообщавшего о том, как русские офицеры восторгались болгарями: «И команда русская, и песни солдатские русские, и выправка русская, и дух тот же, что и у наших!»¹⁴

В целом рецензируемая книга, включающая более 200 писем, являет собой удивительно гармоничное сочетание богатого и красочного материала с мастерски выполненным, филигранным обрамлением. Авторы-единомышленники в своих письмах позволяли себе максимальную свободу высказываний, относительная же краткость эпистолярных текстов делает их удобными для восприятия вечно спешащего современного читателя. Вместе с тем добросовестный, если не сказать дотошный, комментарий вкуче с обширным справочным аппаратом отбивают у читателя самую мысль о спешке, с головой погружая его в ту

эпоху, когда все знали, что Константинополь скоро будет наш.

А.Э. Котов,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербургский институт
гуманитарного образования)

Примечания

¹ Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993.

³ Назовем лишь некоторые из них: «Брат от брата помогаем...»: (Из неизданной переписки Константина Леонтьева и Тертия Филиппова) // Нестор. 2000. № 1. С. 165–205; Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 109–144; Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И.С. Аксакова и Т.И. Филиппова (1870–1885). II. И. Аксаков и К. Леонтьев. Цензорский доклад К. Леонтьева о сборнике «Взгляд назад» // Там же. 2006. № 1. С. 115–146; № 2. С. 146–160; Письма К.Н. Леонтьева к А.А. Фету (1883–1891) // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2010. Вып. 1. С. 236–290.

⁴ См., например: Филиппов Т.И. Русское воспитание. М., 2008.

⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 171.

⁶ См. об этом: Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870-х–1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010. С. 106–110.

⁷ Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. Минск, 1999. С. 1142.

⁸ Карцов Ю.С. Письма К.Н. Леонтьева к Екатерине Сергеевне, Ольге Сергеевне и Юрию Сергеевичу Карцовым. 1878 г. СПб., 1911. С. 19.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Соловьев В.С. Памяти императора Николая I // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. М., 1989. С. 606–609.

¹¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 473.

¹² Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 519.

¹³ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М., 1978. С. 151–152.

¹⁴ Русь. 1885. 16 ноября. № 20.

Н.Л. Рогалина. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.

Почему в крестьянской стране традиционное крестьянство было уничтожено государством, а аграрные проблемы не решены до настоящего времени? Ответ на этот вопрос автор рецензируемой книги ищет не столько в имманентных экономических противоречиях, сколько в особенностях сознания, государственной политики и установок власти. Н.Л. Рогалина

последовательно опровергает ряд известных положений – о «крестьянском малоземелье», «эксплуатации», экономической деградации предреволюционной России и проч., показывая, что они представляют скорее идеологический миф, чем социальную действительность, а реальные экономические диспропорции могли быть преодолены при успешном осуществ-

лении реформ. Существующие стереотипы, например «теория малоземелья», возникли в уравнилельно-распределительном сознании крестьян, получили оформление в народнической мысли, были перенесены в последующую марксистскую и советскую историографию, не став от этого более убедительными. В рецензируемой книге анализ исторического опыта российских аграрных преобразований проведен по иным критериям: цель и содержание реформирования, институциональная политика и характер корректировки реформ, взаимодействие экономических, социальных и правовых аспектов в процессе реформирования, хозяйственные результаты преобразований в аграрной сфере.

Вопреки советским представлениям концепцию Великой реформы 1861 г. и программ П.А. Столыпина, отличительными чертами которых были их продуманность, научный характер разработки и включение точных административных механизмов введения в действие, следует признать моделью успешных аграрных реформ. Потенциал преобразований состоял не только в отказе от традиционных общинных институтов, но и в радикальном изменении крестьянского сознания – формировании эффективного земельного собственника. Реформы Столыпина «вели к постепенному разрешению аграрного кризиса, как кризиса натурального хозяйства и связанной с ним перенаселенности деревни» (с. 41). Не случайно, полагает автор, после всех социалистических экспериментов XX в., именно эта программа явилась «образцом для современного реформирования», хотя последнее осуществлялось скорее стихийно и на гораздо менее подготовленной почве, не сопровождавшаяся «соответствующей информационной, консультационной и разъяснительной работой на местах» (с. 215). Срыв реформ Столыпина, добившегося «относительного, а не абсолютного успеха» (с. 50), в результате революции и последующих утопических проектов в аграрном развитии стал в полной мере не осознанной до настоящего времени катастрофой не только для российского крестьянства, но и для всего общества.

В Советской России избрали самый непродуктивный способ решения аграрного вопроса. В результате реализации сначала эсеровской программы социализации земли, а затем большевистской социалистической модернизации были разрушены основы сельской экономики, что предопределило долгую хозяйственную разруху. В 1920-х гг., считает Рогалина, в России боролись «два несовместимых пафоса»: рационального хозяйствования и революции, причем победа второго оказалась

связана с огосударствлением, централизацией и бюрократизацией всей экономики (с. 90). Четким юридическим формулам дореволюционного земельного права были противопоставлены вулгаризированные понятия политической экономики и классовой теории (например, «кулак»), имеющие «неопределенный, блуждающий, морально-нагруженный смысл» (с. 86). Проведенный автором последовательный анализ противоречивых преобразований нэпа, сталинской коллективизации, реформ Хрущева, топтания брежневской администрации и судорожных попыток спасти ситуацию в период перестройки, демонстрирует некомпетентность власти в решении важнейшего для страны вопроса. Таким образом, заключает Рогалина, «на исходе XX в. аграрная реформа приняла незавершенный характер, а решение извечного аграрного вопроса перешло в Третье тысячелетие» (с. 217).

Чем объясняется этот порочный круг? Конечно, одной из причин является содержательная трудность аграрных преобразований: длительное существование крестьянской общины, составлявшей основу социального уклада традиционного общества, сохранение социальной апатии, коллективизма и патернализма в сознании крестьян, отсутствие полноценной мотивации и стимулов к индивидуальному труду. Но эти факторы, на которые любят ссылаться современные почвенники и адепты классовой теории, действуют во всех традиционных аграрных экономиках Азии, Латинской Америки и Африки, а потому не представляют исчерпывающего объяснения. Автор приходит к аргументированному выводу о том, что в России, как и повсюду, не было никакой предопределенности избрания самой неэффективной модели аграрного развития в истории, и причина этого выбора вовсе не связана с какими-либо загадочными «социальными законами» (как полагала предшествующая советская историография). Объяснение, справедливо полагает исследовательница, следует искать в иной плоскости – идеологии, психологии и механизмах осуществления власти. Первая группа противоречий советской аграрной модернизации связана с выбором теоретической конструкции, определившимися не столько экономикой, сколько идеологией. Главным постулатом марксизма стала идея превалирующего значения крупного производства над мелким, общественного – над семейным, коллективного – над индивидуальным, промышленного – над сельским. Этот тезис, до некоторой степени оправданный в отношении промышленной революции, в области сельского хозяйства, как показали еще авторы рубежа XIX–XX в., оказался фатальной ошибкой. Другая

группа противоречий аграрного регулирования определялась интересами сохранения однопартийной политической системы, основанной на произволе в отношении подавляющей массы населения – крестьянства. Опираясь на внеэкономическое принуждение, система не могла предложить никаких полноценных стимулов к труду (за исключением страха), а потому обрекала аграрную экономику (особенно чувствительную к индивидуальной творческой инициативе) к стагнации. Третья группа объясняется низким уровнем образования советской руководящей верхушки, которая, по-видимому, до самого конца своего существования не представляла, что делать с сельским хозяйством.

Решение «аграрного вопроса» рассматривалось большевиками как побочный продукт преодоления противоречий капитализма, а крестьянство вообще не вписывалось в социальную картину будущего коммунистического общества. Отсюда – доктринальные противоречия и политические колебания от военного коммунизма к нэпу при В.И. Ленине и отсутствие позитивной стратегии у его преемников. Если И.В. Сталин цинично эксплуатировал деревню для достижения военного и индустриального могущества, то Н.С. Хрущев предпринимал активные попытки изменить ситуацию, но, будучи скован догматическими канонами, не представлял, как это сделать, а Л.И. Брежнев предпочел проигнорировать проблему, оставив ее решение на будущее. При Горбачеве реформы имели определенную логику, связанную с начавшимся пересмотром антирыночных догматов, но проводились слишком поздно и непоследовательно. В результате, та концепция реформ, которая привела к расцвету современного Китая (находившегося в руинах после маоистских экспериментов Великой культурной революции и Большого скачка), не была реализована в России. В противоположность «китайскому опыту» (с. 215), подчеркивает автор, «сплошная коллективизация, внешне представшая контрреформой по отношению к нэпу, стала его логическим продолжением» (с. 139). Справедливо констатируется, однако, теоретическая вариативность реформ: на каждом этапе существовали возможности если не радикально изменить ситуацию (переход к рыночным отношениям был заблокирован идеологией), то хотя бы ограничить действие деструктивных параметров системы и включить в нее определенные рыночные механизмы стимулирования труда.

Роголина затрагивает ряд малоисследованных аспектов аграрного реформирования, определявшихся социально-психологическими характеристиками общества. Представля-

ет существенное значение вывод о том, что срыв полноценных аграрных реформ в СССР объясняется не только экономическими противоречиями и интересами власти, но и пассивностью населения. Значительная (и наиболее активная) его часть оказалась просто уничтожена, другая – так называемая крестьянская беднота была преднамеренно вовлечена в «политику грабежа деревни» периода «раскулачивания» (с. 137), что создавало у нее чувство «коллективной поруки» соучастия в преступлениях режима. Атмосфера террора и принуждения, царившая в деревне при Сталине, сменившаяся настроениями апатии и цинизма при его преемниках, прекрасно воспроизведена в книге и публикуемых в приложении источниках. Их рассмотрение не оставляет сомнений в неэффективности советской модели аграрной модернизации и в то же время объясняет те трудности, с которыми сталкиваются реформы на современном этапе: отсутствие развитой инфраструктуры аграрной экономики, несформированность правового сознания у населения и власти, сохраняющаяся условность прав собственности на землю и проблематичность отстаивания этих прав в суде. Заслуживает внимания обращение автора к региональному аспекту проблемы – в книге рассмотрена специфика преобразований и отношения к ним в тех частях страны, где они смогли укорениться в большей или меньшей степени: сопоставление регионов, где коллективизация встретила меньшее и большее сопротивление, «красного пояса» и регионов фермерского хозяйства.

К числу спорных вопросов относится сочетание спонтанности и рациональности в российских аграрных преобразованиях. Так, можно согласиться с авторским определением реформы как поэтапного преобразования отдельных сторон жизни общества, которое дает «предсказуемый результат» (с. 8), если речь идет о столыпинских реформах. Но очевидно проблематичность его применения к таким экстравагантным советским экспериментам, как нэп, коллективизация или даже хрущевские аграрные инициативы, в которых отсутствовала какая-либо научная программа (если не считать за таковую ленинизм и лысенковские идеи), «причудливо переплетались рациональные подходы и импульсивные решения» (с. 174), а результаты оказывались противоположны замыслам. Нуждается в разъяснении соотношение процессов модернизации и ретрадиционализации. Так, коллективизация оценивается автором в целом как «сложное социальное явление» (с. 139). В одном месте книги оно определяется как «наиболее ущербный и неэффективный способ модернизации» (с. 135), значит, все же «модернизация», в дру-

гом – как полный регресс, «глубокий откат назад даже по сравнению с общиной», а следовательно, отрицание модернизации (с. 136), в третьем – «гибель деревни» выступает вообще как «цена модернизации». Каков должен быть тогда окончательный ответ на поставленный автором «сакраментальный вопрос: почему погибло крестьянство в крестьянской стране?» (с. 138). Не ясно, каковы были преобладающие мотивы для выбора властью тех или иных решений – преобладали в них утопические (т.е. вполне иррациональные) постулаты, хозяйственная необходимость (своего рода «рациональный выбор») или доминировали цели выживания и борьбы за власть (т.е. спонтанные реакции на поступающие внешние вызовы). На мой взгляд, многое зависит от принятого в исследовании объема понятия «модернизация»: если оставить в стороне утопические задачи построения коммунизма и считать, что цель модернизации – уничтожение традиционного крестьянства (наподобие английского огораживания XV–XVIII вв.) и промышленный переворот любой ценой, то она была достигнута: уже во второй половине 1960-х гг. городское население численно превзошло сельское (с. 173); но если считать, что ее цель – в применении технологий и росте производства сельскохозяйственной продукции, то она потерпела полный провал (из страны, вывозившей хлеб, Россия к 1970-м гг. превратилась в страну, тратившую до 50% долларовых поступлений на покупку продовольствия) (с. 173). Иначе говоря, нужны более дифференцированные критерии для заключения об относительном или абсолютном провале советской стратегии аграрной модернизации. Принципиальное значение в этом контексте имеют выводы о культурных, правовых и институциональных параметрах успешности рыночных

реформ на современном этапе. К их числу относятся: научная концепция, целенаправленная подготовка и проведение реформ с учетом стереотипов сознания и фактора времени, воля к переменам общества и государства, которое, отложив круг «внешних и сиюминутных задач», призвано «разрешить узел накопившихся проблем» (с. 225).

В целом перед нами обобщающее, аргументированное и современное исследование аграрных реформ в России, сочетающее социологический анализ проблемы со знанием специфики сельскохозяйственных отношений на разных этапах российской истории. Аграрные реформы, как показывает автор, не сводятся к экономическим, но охватывают сферы социальных отношений и политической власти. Они могли бы быть успешно проведены в рамках перехода к рыночной экономике и правовому государству сразу после отмены крепостного права и преодоления общинных традиций на рубеже XIX–XX вв. Срыв этих преобразований в советский период не снял поставленных ими проблем, но только отодвинул их решение на столетие. Созданная в результате революции политическая система на всех этапах своего развития делала выбор в пользу торможения полноценной аграрной модернизации и исключала поворот от экстенсивного развития к интенсивному. Этот дефект стал основной причиной гибели системы и повторного поиска решений по линии рыночной экономики и правового государства. В этом основной итог XX в. и напутствие деятелям аграрных преобразований будущего.

А.Н. Медушевский,
доктор философских наук
(Институт российской истории РАН)

Россия и Германия в XX веке / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бурдюгова, А. Фольперт. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. 1024 с.; Т. 2. Бурные порывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. 896 с.; Т. 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года. М.: АИРО-XXI, 2010. 1032 с.

«Следы мировых войн, оставшихся в сознании поколений, – справедливо написал один из авторов рецензируемого труда, – намного глубже, чем следы воронок и заросших травой окопов» (т. 1, с. 144). Учитывая конфронтационный опыт взаимоотношений России и Германии и запредельную плотность человеческих трагедий на каждый «метр» ве-

ковой дистанции, упоминание Германии в контексте XX столетия вызывает у многих россиян старшего возраста самые драматические ассоциации и переживания. Даже стратегический альянс между СССР и ГДР с попутной переемтестацией восточных немцев в партнеров по социалистическому содружеству не снял груз предубеждений окончательно, тем более